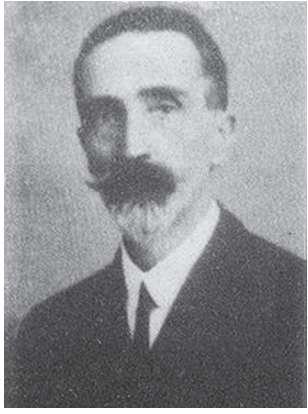

КАРПАТОРОССЫ И РУССКИЙ ЯЗЫК

(Начало темы в №1 (74), 2016 г.)

ЮЛИАН АНДРЕЕВИЧ
ЯВОРСКИЙ
(1873-1937)

Юлиан Яворский родился в Галичине. Учился во Львовском и Венском университетах, откуда был исключен за участие в демонстрациях. Закончил университетское образование в Черновцах, докторскую диссертацию по славянской филологии защитил в Венском университете.

Юлиан Андреевич был поэт, писатель, ученый, публицист, филолог, один из лучших литературных критиков своего времени, этнограф, общественный деятель. Написал сотни статей и очерков. Печатался практически во всех русскоязычных изданиях Галичины: "Живая мысль", "Прикарпатская Русь", "Галичанин" и др. Основал и издавал журнал "Живое Слово" во Львове. Представляет вниманию наших читателей прекрасный очерк автора "Русский язык".

Наталья ГАТТАС

Закрывающаяся в первой части настоящей статьи общая характеристика значения и роли русского литературного языка, появившаяся первоначально в "Живой Мысли" 1902 г. и затем неоднократно перепечатывавшаяся как в Галичине, так и в России, приводит здесь мною в соответствии сокращенном и измененном виде снова в качестве естественного и более или менее необходимого и целесообразного общего введения к предполагаемым далее, во второй части, частичным наблюдениям и заметкам по поводу нынешнего состояния этого насущнейшего и самого животрепещущего вопроса в Галицкой Руси - каковой антиплагиат, надо полагать, придется в настоящий сумбурный момент ввиду проявляющегося в нашей общественной жизни и мысли всеобщего уныния и разброда вполне благовременно и кстати.

I

Язык народа - это его история, его этнография, его быт и душа. Язык - это та благодатная искра Божья, которую как самое священное и драгоценное достояние вынес народ из сего хаоса бытия, та живая нерукотворная риза его, которая одухотворяет, оживает, озаряет народную жизнь. Это - главная основа и суть народного существа, могучий рычаг, чудотворный талисман культурного развития народа.

Русский язык! "Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!" Это из-за гроба зовет к нам, будит и ободряет нас вдохновенный глагол великого мастера русского слова, изверившегося во всем другом, но сохранившего уверенно и свято этот высший, светлый и немеркнущий идеал - "великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!"

Из таинственных недр веков, из творческого хаоса туманной прародины своей вынесло русское племя этот чудесный животворный клад - великий и прекрасный свой язык. Вынесло, берегло, хранило его. Сберегло от внутреннего оскудения и растления, которые тлетворно подкрадывались к нему, не раз отстояло от облыжных лап, коварных друзей, от жестоких когтей хищных врагов, столько раз тянувшихся за ним. Вдохновило, освятило его живую кровью и духом богатырским своим, своею безграничной любовью и безграничной тоской. Нагрело его горячие, жизнерадостной верою своего благополучного юга, заронило в него не-

избывную скорбь и задуму угрюмого севера своего.

И создавало, образовало этот русский язык не одно какое-нибудь его колено, не одна какая-нибудь область его в отдельности, а все русское племя сообща, на целом необъятном пространстве родной страны, на всем многоцветном протяжении своего исторического развития. Как в общую, заветную житницу вносили в него свои лучшие и самые яркие цветы и соки, свои заветнейшие думы и грезы - и южане, и северяне, велико-мало-бело-червонно-россы. Новгород и Вильна, Москва и Киев, и Галич. Со всех концов, из всех углов широкораздольной русской земли собирались содружно родные, самозвончатые звуки и сливались гармонически в одну цельную и стройную, прекрасную и могучую симфонию, имя которой - русский язык. Тот великий и совершенный литературный, книжный русский язык, который после многих веков совместного творческого брожения и развития, любовно выношенный и выгнанный в общем горниле соборного народного духа, духа киевских дружинников и олонечских сказителей, Митусы и Бояна, Ивашки Пересветова и Иоанна Вишенского, Смотрицкого и Ломоносова - так ослепительно ярко и благовестно созрел и просиял вдруг в Пушкине, так неожиданно и своеобразно засверкал затем чудесной, самоцветной радугой в Гоголе, так привольно и властно развернулся, наконец, во всю свою богатырскую мощь и ширь в Тургеневе и Толстом.

Соборный и верховный, единый и общий, родной и близкий всем русским племенам и областям, этот прекрасный и могучий язык и является таким образом для всех них ныне тем обязательным и неотъемлемым орудием и рычагом их образованности и культуры, всего их духовного и общественного склада и прогресса, который так щедро и благодатно завещан им всех их историческим прошлым и на котором, в свою очередь, всецело зиждется и весь дальнейший рост и расцвет их национально-культурного бытия. И поэтому ныне, с одной стороны, ни одно из этих племен, ни одна из этих областей не имеет и не может иметь какие-нибудь частные и особенные права и притязания к нему, не смеет считать и называть его своим частным, уделным достоянием и забирать его лукаво и жадно на основании какого-нибудь случайного и условного преимуществства или перевеса в его историческом образовании, исключительно в свою пользу. Руки прочь! Ибо это - общее и совместное творение всех русских областей и родов в совокупности, это - заветное, неоспоримое и неотъемлемое прадедовское наследие всего великого русского племени как в его соборном целом, так и во всех его удельных разновидностях и оттенках порознь. Ибо тот, кто для этого ныне, по истечении многих веков совместной творческой работы и мысли всего русского народа, захотел бы отыскивать и выделять в этом общерусском языке частные и местные черты и особенности, внесенные в него отдельными наречиями и областями, задался бы такою же нелепою и безумною целью, как опознать и выделить в сердце ребенка особые капли крови отца и матери его.

Однако, с другой стороны, если ни одно из отдельных русских племен не имеет основания и права признавать и присваивать себе этот общий всерусский язык в свою частную и исключительную собственность, то, тем более, ни одно из них ныне не смеет тоже, в свою очередь, и почему-либо отрезать и отказываться от него. Это было бы и невежественно, и неблагоприятно, и до безумия нелепо, и до предательства преступно и подло. Это было бы изуверское самооскупление, культурное самоубийство его. Легкомысленное возвращение к первоначальной тьме и мрази, к первобытному хаосу и бреду национального бытия.

Ливившись вдруг в безумном порыве самодурского или злоумышленного отречения, великого и совершенного языка, богатой образованности и культуры, выработанной многими веками народной самостоятельности и творческой работы многих поколений - это несчастное и безрассудное пле-

мя возвратилось бы снова к косноязычному лепету и жалкому одичанию своих истоков и обрекло бы себя, без сомнения, на верную и неизбежную духовную и национальную гибель.

А в наше позднее, лихорадочное время ведь некогда уже и думать о том, чтобы можно было начинать народную жизнь и культуру сначала. Поздно и немудрено уже ныне образовывать из слабого детского лепета новый сколько-нибудь живой и жизнеспособный язык, поздно и безнадежно создавать из простой пастушьей сказки или колыбельной песенки особую и самодовлеющую литературу и культуру. И поздно, и нелепо, и, главное, совершенно напрасно и зря.

Потому что, если в начале и было самозвучно и вещее Слово, в котором была творческая жизнь и сила, и была надежда, был Бог - то ныне, когда уж подавно застыл и улегся в мире его созидающий хаос, и в умеренной истоме иссякли его первоизданные силы, нельзя уж, конечно, и грезить о каком-нибудь новом его чуде творимом. Потому, что в наше серое и трезвое время ex nihilo fit - уже только - nihil....

II

В вековой героической борьбе карпато-русского народа за свое заветное национально-культурное достояние, за свою живую душу и честь народную свою, весьма яркой, а иногда даже первенствующей и основной чертой являются его непрерывные и упорные усилия отстоять и укрепить природные и неизбывные права общерусского литературного языка как в частном своем национальном быту, так и во всех внешних проявлениях общественной и гражданской жизни вообще.

Тяжела и в общем безуспешна и беспросветна была эта борьба. Случайные временные успехи и достижения вновь нещадно смылились ближайшей противной волной вражеского натиска и засилья или же собственной духовной косоности и нищеты, часто и надолго пряталась сиротливо по темным углам и подпольям и безпомощно замирала до робкого рабьего шепота, всячески обезличиваемая и изуродованная веками неволи, царственная русская речь - но не сломалась и не сдалась до конца ее первоизданная воля и мощь, не утеряла своей исторической правды ее иконные хозяйские права.

Приниженная и прибитая до земли, затравленная и замученная до креста, она все снова, с каждым новым подъемом народных сил и надежд все более властно и гордо поднималась вверх и пробивала себе среди сплошных и неистовых вражеских глумлений и угроз свой немеркнущий светозарный путь. От мрачных и лютых времен старой, многовековой неволи вплоть до последних гнусных судорог безпощадного австрийского гнета и приснопамятного процесса Бендасюка и последовавшего военного террора включительно.

И именно одним из таких бодрых и светлых проявлений национально-подъема, одним из самых существенных и отрадных достижений культурного развития Галицкой Руси накануне нынешней мировой грозы, и следует, без сомнения, признать широкое и любовное распространение в образованных слоях местного русского общества не только более или менее сознательного и проникновенного подлинно русского чтения, но и живого литературного языка вообще. Как ни подозрительно и враждебно издевались и глумились над ним ослепленные шовинистической ревностью и нетерпимостью "украинские" отщепенцы, как ни трусливо и тупо мешали и сопротивлялись ему немногие старые рутенские зубры - все-таки родной и близкий всем нам великий и могучий русский язык, несмотря на все эти внешние преграды и козни и нашу внутреннюю инертность и косоность, все победнее и ярче пробивал себе путь в нашу возрождающуюся из векового рабства и косноязычия народную среду и властно захватывал и приобщал к себе все более широкие и сознательные ее круги.

Особенно горячо и беззаветно отдался этому живому и благородному культу русского языка проникшая светлыми заветами "Беседы",

"Живого Слова" и "Живой Мысли", передовая и доблестная наша молодежь, открыто и смело провозгласившая и неуклонно проводившая было в действительности единственно правильный и целесообразный принцип, что только литературный русский язык может и должен быть языком нашей образованности и культуры и что никто из нас, сколько-нибудь претендующий на название интеллигентного, более или менее образованного русского человека, не смеет отказываться от него в письме и слове, как не может быть и речи о подобном отказе от своих литературных языков в интеллигентных слоях других народов, как бы ни раскромсаны они были в территориально-политическом отношении вообще. Любя и уважая свое местное, хотя и крайне отсталое и косноязычное, народное наречие, на котором, правда, так легко и удобно можно балакать о несложных домашних делах с деревенским соседом и так тепло и задушевно распевать родные песни, но уж совершенно нельзя подняться сколько-нибудь выше этого низменного и мелкого простонародного уровня и выйти из узкого заскорузлого круга ограниченной обывательской мысли - она, эта славная молодежь наша, тем не менее, вполне сознательно, идейно и, казалось, безповоротно приняла в свой душевный, частный и общественный обиход тот общелитературный, образованный язык своего племени, который прежде всего и лучше всего объединяет и укрепляет отдельные, разрозненные исторической судьбой, его части, а вместе с тем и также и каждого из нас лично поднимает и просветляет из тьмы и невежества глухого и косного захохотав на широкий и привольный общенациональный простор. Ту прекрасную и благозвучную, свободную и могучую, царственную общерусскую речь, которая всегда была и, конечно, останется навсегда для нашего многострадального народа, не просто заурадной и стертой обиходной монетой национального общения и быта, какой она в общем сделалась со временем в России, а вымечтанным веками драгоценным и чудесным талисманом его возрождения, священным символом его грядущей правды и свободы.

И ярко загорелось пламя молодого энтузиазма, и бодро закипел идейный, благодатный труд. Несмотря на всяческие козни и гонения, до всевозможных полицейских насилий и тюремного заключения включительно, везде, где только собирались местные русские люди, устраивались общие уроки русского языка и литературы, читались сообща русские книги и литературные доклады и диспуты, поднималась радостно и победно восторженно русская речь. Конечно, с понятными и неизбежными в данных тяжелых условиях недочетами и изъянами, с известной в чужом засилии робостью и простотой, но всем было понятно и ясно, что не в этом пока суть дела, что чистота и благозвучье живой речи - дело неживое, зависящее от созвучной среды и благоприятствующих условий, что все налаживается все шире и лучше, и со временем будет и совсем хорошо. И казалось, что старый гнетущий призрак как скудного и неуклюжего местного лепета нашего, так и уродливого и варварского рутенского косноязычия, заморожен и изгнан от нас навсегда, что настоящая литературная общерусская речь окончательно и безповоротно овладела, по крайней мере, образованными верхами нашего народа и властно и кровно приобщила их, наконец, к великой и светозарной общенациональной культуре и жизни.

Ведь, право, именно теперь, после этого страшного испытания в грозе и буре, когда весь наш народ чуть ли не до последнего малыша в самой глухой деревенской трущобе, не только въявь и воочию убедился в национальном русском единстве, но вместе с тем также и научился более или менее правильно и бойко говорить по-русски в общенациональном смысле этого слова - казалось бы, что тем более образованные его круги, а в особенности их цвет и надежда - молодежь, побывавшая, помимо всего прочего, и в подлинной русской школе, и в русской армии, должны бы с тем большей последовательно-

стью, уверенностью и силой продолжать заветную и единоспасительную работу и борьбу за естественные и неизбывные права и задачи русского языка, не только любовно и ревностно соблюдая его в живом, частном и общественном обиходе, но и добиваясь для него упорно и всемерно самых широких и прочных прав гражданства и свободы в печати, школе и всей народной жизни вообще.

Между тем, непостижимым образом произошло совершенно обратное явление. В силу ли болезненной душевной усталости и реакции, под тлетворным ли влиянием коварных и ядовитых дыханий единого фронта или по той и другой причине вместе, наблюдается ныне непонятное и небывалое раньше равнодушие или даже явное и нарочитое нерасположение к этому живому и вечному роднику нашего национального существования и возрождения к русскому языку. Рассудку вопреки, наперекор очевидной логике и достоинству исторического момента он, этот недавний животворный родник и путеводный маяк наших просветленных дум и надежд, ныне вдруг почему-то почти совершенно поник и заглох, исподволь и незаметно опять уступив свое место даже не старому живому говору родной среды, а новой явленной по единому фронту более или менее искусственной и уродливой "рідной мове". И это прискорбное и зловещее явление, таящее в себе несомненные признаки болезненного вырождения или психоза, наблюдается не только среди серой и нищей духом обывательской массы, запуганной и развращенной к тому же тяжелыми переживаниями войны и эмиграции, но даже среди недавних столпов и лидеров национально-русского возрождения и восторженных идеологов и поборников русского языка. Даже среди глубокойидейных и высокопросвещенных представителей местной русской (или, по крайней мере, выдающей себя за таковую) печати, даже в лице увенчанных (хотя, правда, и не на Олимпийских, а всего лишь на домашних и самодельных игрищах) первых и лучших известных русских поэтов. И не только в частном и более или менее интимном их обиходе, что, конечно, в общем не всегда и не в достаточной степени поддается общественному учету и суду, но даже в их публичных выступлениях и речах, на тех же общественных подмостках, с которых уже в последние довоенные годы почти исключительно, даже со стороны более сознательных и просвещенных наших крестьян, раздавалась победно и стройно чистая литературная русская речь, чем они, очевидно, вновь безумно и злостно возвращают (или, по яркому и характерному выражению одного из них - "цофают") все наши национально-культурные успехи и достижения на несколько десятков лет назад. И поэтому вечным и тяжелым укором и несмываемым позором ложится на них это малодушное и постыдное отступление, это сознательное или бессознательное предательство, этот поистине непростимый грех против духа святого - против живого и благодатного духа национального возрождения, объединения и просветления нашего многострадального народа в животворном и неиссякаемом роднике великого, богатого и свободного общерусского языка.

А с теми, что остались ему верными до конца, что любовно и благоговейно хранят и лелеют его в своем сердце и бодро и ярко несут его среди гнусного мрака нынешнего лихолетия вперед, мы снова с сугубой надеждой и верой припомним чудные и благодатные слова бессмертного тургеневского завета:

"Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины - ты один мне поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя - как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!"

Д-р Ю.А. ЯВОРСКИЙ

"Думы о Родине"

Общественно-литературные
дневники. Изд-во "Живое Слово".
Львов, 1923 г.